

И подаю ему руку и говорю: здравствуйте, князь... что новаго... а онъ—ха, ха, ха! скорчить кошачью мину и руку положилъ въ карманъ: ничего-съ—къ несчастію, все старое... потомъ шагъ назадъ и сталъ въ позыцію... Я скорѣй бѣжать, чтобъ не фыркнуть ему въ глаза... Не знаете ли, батюшка, отчего такая немилость?

Дмитрій Петровичъ—А ты хочешь волочиться за женой и чтобъ мужъ тебѣ въ ноги кланялся! Кабы въ наше время, такъ ему надо тебя не такъ еще проучить.

Юрій (серьезно):—Я волочусь за его жепой? Кто ему это сказалъ?

Дмитрій Петровичъ—Ну, вѣдь признайся: ты въ нее влюбленъ?

Юрій—Онъ о прежнемъ ничего не знаетъ и слишкомъ глушь, чтобъ теперь догадаться.

Дмитрій Петровичъ—Долгъ всякаго честнаго человѣка былъ ему сказать.

Юрій—А позвольте: кто жъ этотъ черезчуръ честный человѣкъ?

Дмитрій Петровичъ—А если бъ даже я.

Юрій—Вы, батюшка?

Дмитрій Петровичъ—Да, я не терплю безнравственности, безпутства... Въ мои лѣта трудно смотрѣть на такіа вещи и молчать... Хорошій отецъ долженъ удерживать сына отъ безчестныхъ поступковъ—а если сынъ его не слушаетъ, то мѣшать ему всѣми средствами.

Юрій—А, такъ вы ему сказали?

Дмитрій Петровичъ—Да, не прогнѣвайся—и князь завтра же увозитъ жену въ деревню.

Юрій—О! это нестерпимо!

Дмитрій Петровичъ—Вздоръ, вздоръ!... Что такое за упрямство, будто нѣтъ другихъ женщинъ.

Юрій—Для меня нѣтъ другихъ женщинъ... Я хочу, хочу... Да знаете ли, батюшка, что это ужасно... Кто вамъ внушилъ эту адскую мысль?

Дмитрій Петровичъ—Кто внушилъ?.. И ты смѣешь это говорить отцу, и какому отцу! который тебя любитъ больше жизни, тобою только и дышетъ—вотъ благодарность! развѣ я такъ ужъ старъ, такъ глушь, что не вижу самъ, что дурно, что хорошо!.. Нѣтъ, никогда не допущу тебѣ сдѣлать дурное дѣло—опомнишься, самъ будешь благодаренъ и попросишь прощенія!

Юрій—Никогда!.. Прощенія!.. Мнѣ еще вась благодарить—за что? Вы мнѣ дали жизнь—и теперь ее отняли—на что мнѣ жизнь? Я не могу жить безъ нея—нѣтъ, я вамъ никогда не извиню этого поступка.

Дмитрій Петровичъ—Юрій, Юрій! подумай, что ты говоришь.

Юрій—Я не уступлю. Борьба начи-

нается—я радъ, очень радъ! Посмотримъ! всѣ противъ меня—и я противъ всѣхъ!..

Дмитрій Петровичъ—Сжался, Юрій, надъ старикомъ—ты меня убиваешь.

Юрій—А вы надо мною сжалились? Вы попустили—милая шутка!

Дмитрій Петровичъ—О, ради Бога, перестань!

Юрій—Князь завтра ѣдетъ, а нынче Вѣра будетъ моя.

(Идетъ къ столу).

Дмитрій Петровичъ—Александръ! Александръ! Онъ убилъ меня—меня дурно! (Александръ вбѣгаетъ, подымаетъ и ведетъ его подъ руку). Онъ злодѣй—онъ убилъ меня!

Юрій (однѣ):—Нынче она будетъ моя—нынче или никогда... Они хотятъ у меня ее вырвать—развѣ я даромъ три года думалъ объ ней день и ночь. Три года сожалѣній, надеждъ, недоснанныхъ ночей; три года мучительныхъ часовъ тоски глубокой, неизлечимой—и послѣ этого я ее отдамъ безъ спору, и въ ту самую минуту, когда я на краю блаженства. Да какъ же это возможно! (Пишетъ записку и складываетъ.) Кажется, такъ оно удастся. (Отворяетъ дверь и кличетъ.) Ванюшка! (Входитъ молодой лакей въ военной дивреѣ). Послушай, отъ твоего искусства теперь зависить жизнь моя.

Ванюшка—Вы знаете, сударь, что я вамъ всѣми силами радъ служить.

Юрій—Когда ты сдѣлаешь, что я прикажу, то проси чего хочешь.

Ванюшка—Слушаю-съ.

Юрій—Если же нѣтъ—ты погибъ!

Ванюшка—Слушаю-съ.

Юрій—Видишь эту записку. Черезъ часъ, никакъ не позже, она должна быть въ рукахъ у княгини Лиговской.

(Александръ показывается въ другой двери).

Ванюшка—Помилуйте, сударь, да это самое пустое дѣло. Я познакомился ужъ съ ея горничною; а у насъ въ пустой половинѣ такіе закоулки, что можно вездѣ пройти днемъ такъ же безопасно, какъ ночью...

Юрій—Я на тебя надѣюсь. Только, смотри, не позже, какъ черезъ часъ. (Уходитъ).

Ванюшка—Черезъ пять минутъ, сударь... (про себя). Мы съ баринкомъ видно не промахи—четыре дня какъ здѣсь, а ужъ дѣла много сдѣлали. (Хочетъ идти).

Александръ (подкрался сзади и схватываетъ его за руку):—Постой!

Ванюшка (испуганный):—Что это вы, баринъ!

Александръ—У тебя вотъ въ этой рукѣ записка...

Ванюшка—Никакъ нѣтъ-съ.